

С. А. Фомичев

ПУШКИНСКАЯ
ПЕРСПЕКТИВА

ЗНАК
Москва
2007

ЗОЩЕНКОВСКИЙ ПУШКИН

Тема «Зощенко и Пушкин» в исследовательской литературе ограничивалась одним сюжетом: анализом «шестой повести Белкина», созданной в преддверии пушкинского юбилея 1937 года. Между тем пушкинские мотивы в творчестве писателя возникали неоднократно. Имеет смысл проследить их развитие и попытаться в этом контексте рассмотреть его повесть «Талисман».

Впервые о Пушкине Зощенко печатно высказался в 1924 году, отвечая на анкету в связи со 125-летием со дня рождения поэта:

Пушкин для меня замечательнейший писатель и умнейший человек.

Для современников Пушкин явление не ахти какое: гражданин он плохой и доблестных заслуг перед Революцией у него нету.

В современном плане это звучит убийственно. И современники таких не одобряют.

Впрочем, Пушкина можно причислить к героям труда. И тогда снова и по-прежнему доброе имя Пушкина выглядит торжественно и неплохо¹.

По стилю и по духу этот откровенно ёрнический ответ выдержан в обычной манере «серапионовых братьев» в соответствии с их декларациями и автобиографиями, в которых неизменно подчеркивалось ироническое отношение к призывам марксистской критики быть совре-

---

¹ Ленинград. 1924. № 11. С. 8.

менными и актуальными. Следует отметить две «реминисценции», содержащиеся в зощенковской эскападе. Первая связана с известным выговором А. А. Краевскому за отклик на смерть Пушкина, напечатанный в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» («Солнце нашей поэзии закатилось» и проч.). Попечитель Санкт-Петербургского округа М. А. Дондуков-Корсаков на следующий день отчитал журналиста: «Я должен вам передать, — сказал попечитель Краевскому, — что министр (Сергей Семенович Уваров) крайне, крайне недоволен вами (...) что за выражения! “Солнце поэзии!!” Помилуйте, за что такая честь? “Пушкин скончался... в середине своего великого поприща!” Какое это поприще? Сергей Семенович именно заметил: разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж?! Наконец, он умер без малого сорока лет! Писать стишки не значит еще, как выразился Сергей Семенович, проходить великое поприще!..»²

Далее же у Зощенко содержится ироническая перифраза строк «Медного всадника», где характеризовался «просто гражданин столичный»:

Прозванья нам его не нужно,
Хотя в минувши времена
Оно, быть может, и блистало
И под пером Карамзина
В родных преданьях прозвучало;
Но ныне светом и молвой
Оно забыто. Наш герой
Живет в Коломне, где-то служит (...)
О чем же думал он? о том,
Что был он беден, что трудом
Он должен был себе доставить
И независимость и честь (...)
Но что ж, он молод и здоров,
Трудиться день и ночь готов (...)
(V, 138–139).

Спустя тринадцать лет ответы Зощенко на вопросы анкеты о Пушкине звучали серьезнее и аналитичнее:

² Вересаев В. Пушкин в жизни. М., 1984. С. 615.

1

Я познакомился с творчеством Пушкина в гимназии, в школьной программе, но сказку «О золотой рыбке» знал с пятилетнего возраста.

2

Все сочинения Пушкина мне дороги сейчас в одинаковой степени, но по силе восприятия (сколько я помню) наиболее всего меня поразили письма поэта и повести Белкина.

3

В творчестве Пушкина я наиболее всего ценю необычайно кратко и просто, с большой художественной силой и убедительностью излагать свои мысли.

4

Меня больше всего интересовал огромный аналитический ум Пушкина, что наряду с высоким поэтическим направлением создало гениального писателя.

5

Наиболее трагический момент в его жизни — это, по моему, катастрофа его молодой философии и невозможность (практически) осуществить новую в условиях его придворной жизни. Однако, были все внутренние предпосылки создать свою жизнь на новых основаниях. Это было видно по начатым литературным работам. По этим работам можно видеть, какую правильную (литературную) позицию занял поэт, подходя к сорокалетнему возрасту. История литературы имела бы роман о Петре I и целый ряд исторических работ в той художественной форме, которая была бы показательна в наши дни.

6

Влияния Пушкина (в прямом смысле) на мою работу не было. Но многие сочинения его всегда для меня были идеальными образцами. И благодаря этому в своей работе я всегда стремился к краткости, занимательности и простоте. В этом (техническом) отношении влияние Пушкина на мою работу значительно³.

---

³ Литературный современник. 1937. № 1. С. 313.

В ответе этом подспудно развита тема, намеченная в книге «Возвращенная молодость», написанная Зощенко на пороге собственного сорокалетия. Характерно, что в ней феномен Болдинской осени писатель объяснял переключением житейских переживаний Пушкина на творчество, «переламыванием» эмоций в литературную работу. Нельзя не заметить, что теперь, в 1937 году, готовясь к работе над книгой «Ключи счастья»⁴, Зощенко существенно переосмысляет проблему «возвращенной молодости», переводя ее из чисто психологического регистра (обретение психического здоровья, преодоление неврастения) в русло раздумий о творчестве как панацее от губительного влияния политического режима. Наступил 1937 год, год небывалого по государственной опеке пушкинского юбилея и пика сталинских репрессий. В преддверии юбилея Зощенко и создает «шестую повесть Белкина», откликаясь на пушкинское произведение, в наибольшей степени поразившее его.

Не случайно из всего пушкинского наследия писатель выделил «Сказку о рыбаке и рыбке» и «Повести Белкина». В первом из этих произведений выведен тип ненасытного стяжателя, который часто станет героем сатирика. Возможно, персонажи пушкинских повестей поразили его именно по контрасту. Это вполне обыкновенные люди, обыватели, но ведущие себя в высшей степени достойно. И в этом смысле они чем-то близки Пушкину, каким он предстает в своих частных письмах.

Было бы наивно думать, что в «Талисмане» Зощенко решал задачи чисто стилистической учебы. Все творчество его середины 30-х годов, с его устремленностью к «серьезным жанрам», противоречит такому устоявшемуся в критической литературе допущению.

Впрочем, тут необходимо вновь вернуться на десять лет назад, когда Зощенко написал первую свою «повесть Белкина». В специальном пушкинском номере журнала «Беге-

---

⁴ См.: Рест Б. «Голубая книга». На диспуте в Ленинградском дискуссионном клубе прозаиков // Литературная газета. 1936. 15 марта.

мот», посвященном 90-летию со дня смерти поэта, был напечатан его рассказ «Гроб (из повестей Белкина)».

Девяносто лет назад помер на дуэли Александр Сергеевич Пушкин. Вся Россия, можно сказать, слезы льет в эту прискорбную годовщину. Но, между прочим, больше всех горюет и убивается Иван Федорович Головкин...

Дело в том, что Головкин после долгих мытарств получил, наконец, свою собственную комнатку.

А время, конечно, идет. Вот уже 87 годовщина ударяет со дня смерти нашего дорогого поэта. Потом 88.

На 89 годовщине разговоры, конечно, поднялись в квартире. Пушкин, дескать. Жил, дескать, в свое время поэт в этом помещении. Осчастливил, так сказать, жилплощадь своим нестерпимым гением. Не худо было бы в силу этого какую ни на есть досточку приклепать с полным обозначением в назидание потомству.

Иван Федорович тоже сдуру принял участие в этой дощечке на свою голову...

Пришла комиссия пушкинистов и выселила всех обитателей квартиры.

Головкин, это верно, очень ругался. Крыл. Выражал свое мнение открыто, не боясь последствий.

— Что ж, говорит, это такое? Ну пушай он гений. Ну пушай стишки сочинил: «Птичка прыгает на ветке». Но зачем средних людей выселять? Это же утопия, гроб, если всех жильцов выселять...

Так и мается обиженный Головкин, осмотрительно подыскивая ныне такую комнату, где не жили никакие знаменитости. Казалось бы, можно было и посочувствовать герою-неудачнику. Но почему-то не хочется. Есть в нем какая-то отталкивающая фанаберия (недаром он пыжится, называя себя «средним человеком») и чисто коммунальное отношение к «гениям»: сначала из-за похвальбы (мол, вот кто в моей комнате жил!) он желает повесить «досточку», потом же «кроет»:

А это верно: как это некоторые гении легкомысленно поступают — мотаются с квартиры на квартиру, переезжают. А после какие печальные результаты.

Да вот недалеко ходить, в наше время наш знакомый поэт Митя, Дмитрий Михайлович. Да он за последний год не менее 7 комнат сменил. Все, знаете, никак не может ужиться. За неплатеж.

А ведь может, он, черт его знает, гений⁵.

Юмористический пуант «за неплатеж» рассчитан на непосредственную реакцию читателя. Но ведь примерно столько же петербургских квартир за тридцатые годы сменил и Пушкин — в поисках удобного и недорогого жилья. Тоже по-своему — «за неплатеж»...

Рассказ «Гроб» первоначально входил в своеобразную дилогию: тремя страницами выше в том же выпуске журнала были напечатаны стансы названного в конце рассказа по имени-отчеству Д. М. Цензора⁶. В стихах этих тоже был запечатлен «кухонный» взгляд на поэта:

За прелесть песни величавой
Его «тридцатые года»
Венчали дружеством и славой,
Еще двусмысленной тогда.
Развязный франт, среди пирушки,
Страдая слабостью башки,
Просил: «А ну, милейший Пушкин,
Продекламируй, брат, стишки!..»
Какой-нибудь Фаддей Булгарин,
Фискал, критический червяк
Шипели: «Пушкин не бездарен,
Но недоучка и маньяк!» (...)
Он беден был, а это тоже

⁵ Бегемот. 1927. № 7. С. 5.

⁶ Фамилия была названа при публикациях (с некоторой стилистической правкой) рассказа в составе сборников (рассказ получил название «Пушкин»).

Позор для «света» и жены.
(Кто хочет властвовать, не может
Носить протертые штаны)...

В своих юморесках Зощенко довольно часто травестировал классику. Уже сами заголовки ряда его рассказов предвосхищали юмористический эффект: «Живой труп», «Семейное счастье», «Тяжелые времена», «Анна на шее», «Опасные связи», «Бедная Лиза», «Страдания молодого Вертера»... В «Анне на шее» в петербургском пейзаже, преломленном через восприятие постового, блеснет вдруг своей нелепостью в контексте фразы пушкинский эпитет:

Любуется, может, на монументальные здания, поглядывает на темные невские воды с их державным течением, думает, может быть, сколько там, черт возьми, разной лишней рыбы и черт знает чего в глубине⁷.

Поэма «Медный всадник» явственно откликнется в рассказе «Утонувший домик»: досочка с уровнем воды во время наводнения 1924 года жильцами перебита на верхотуру, дабы ее не сорвали озорники. В рассказе «Грустные глаза» смешно зазвучат пушкинские строки, разбитые «под Маяковского»:

От
Ямщика
До
Первого поэта
Мы
Все
Поем
Уньло...
Печалию согрета
Гармония
И
Наших

---

⁷ Зощенко М. Собр. соч. Т. 1. М., 1994. С. 292.

Дев
И муз⁸.

Коммунальная же пушкиниана отзовется в 1937 году в юмореске «В пушкинские дни», состоящей из двух речей о поэте, произнесенных управдомом. Они обнаруживают слабое знакомство подневольного оратора с жизнью и творчеством Пушкина, но пронизаны актуальными задачами дня: «С чувством гордости хочется отметить, что в эти дни наш дом не плетется в хвосте событий. Нами (...) приобретен (...) гипсовый бюст великого поэта», который «установлен в конторе жакта, что, в свою очередь, напоминает неаккуратным плательщикам о невзносе квартплаты». Память о Пушкине — опять же в духе времени — оборачивается выпадом против современных поэтов:

Еще, знаете, хорошо, что в смысле поэтов наш дом, как говорится, бог миловал. Правда, у нас есть один квартирант, Цаплин, пишущий стихи, но он бухгалтер и вдобавок такой нахал, что я прямо и не знаю, как я буду о нем говорить в пушкинские дни.

Цаплин требует переложить ему печку («Я, — говорит, — через нее угораю и не могу стихов писать») и вызывает тем самым праведный гнев управдома: «Откровенно говоря, я на месте Дантеса этого Цаплина ну прямо изрешетил».

И еще одна настойчиво варьированная деталь юбилейного пушкинского произведения: как в рассказе «Гроб», всё как-то и здесь некстати всплывают стихи о птичке. Управдом то с умилением вспоминает произведение своего сына: «Мы, дети, любим то время, когда птичка в клетке, / Мы не любим тех людей, кто враг пятилетке», то декламирует стихи из оперы «Пиковая дама»: «Я хотел бы быть сучочком», — и когда его уличают в неточности, восклицает: «Ну если эти стихи “Если б милые девицы все могли летать как птицы” не Пушкина, то я уж не знаю, что про праздник подумать», — то вспоминает: “помню, знаете, у нас в классе зада-

---

⁸ Там же. С. 278.

ли выучить одно мелкое, ерундовое стихотворение Пушкина. Не то про веник, не то про птичку или, кажется, про ветку»⁹.

«Птичку в клетке» любит сын управдома. Пушкин же, как известно, любил выпускать птичку на волю.

Все эти детали, воссоздающие атмосферу бестолкового официоза, кажутся гротесковыми. Если же учесть массовость пушкинских мероприятий того года, декретированную сверху, то жактовские доклады предстают колоритной чертой времени. Первый из этих «докладов» был напечатан впервые в журнале «Крокодил» под названием «На Малой Перинной, 7. Речь, произнесенная на собрании в жакте по Малой Перинной улице, № 7, в дни пушкинского юбилея», под псевдонимом «Заслуж. деят. М. Конопляников-Зуев». Концовка этой юморески в первой публикации была несколько иной (более пространной), нежели в последующих перепечатках рассказа в составе сборников:

Лично мне нравятся его лирические стихи из «Евгения Онегина»: «Что ты, Ленский, не танцуешь» — и еще одно дивное стихотворение:

«Пущай погибну я, но прежде
Вкушу волшебный яд желаний,
Упьюсь несбыточной мечтой...».

Другой актер как запоеет, аж слезы навертываются на глазах, вот он как гениально пишет.

Г о л о с с м е с т а. Это не стихи Пушкина.

— То есть как это «Евгений Онегин» — не стихи Пушкина? Что ж это по-вашему Лермонтов написал?

Г о л о с с м е с т а. Это оперные арии, а у Пушкина этого нету.

— Разве нету? А я думал: они из Пушкина поют. Вот так номер! То-то я и гляжу: что такое, некоторые оперные арии опошляют действительность.

Другой актер как заверещит тенором: «Куда, куда вы удалились», и как-то, знаете, слабина чувствуется. Пушкин, думаешь, так бы не написал.

---

⁹ Зощенко М. Избранное. Л., 1984. С. 149–152.

Г о л о с с м е с т а. А вот это как раз стихи Пушкина.

— Разве? Ну тогда, значит, все от актера зависит. Естественно, тот заголосит своим козлетоном — и сразу у него посредственно получается. Только вводит в заблуждение зрителей. Нахал такой. А что касается «Пиковой дамы», то я уж теперь прямо и не знаю, что и думать. Я думал: они из Пушкина поют. Но вот сейчас, знаете, срочно перелистываю однотомник и вижу: «Пиковая дама» — проза. Вот так номер! Это, откровенно говоря, жаль, потому что из Пушкина мне наиболее всего затрагивает сердце гениальное четверостишие:

«Если бы милые девицы,
Все могли бы летать, как птицы...».

Это правда: Пушкин силен не только своими стихами. А он в другой раз так завернет сюжет, так мое почтение. Взять ту же «Пиковую даму». Там очень есть сильные моменты, которые и без всяких стихов представляют известную ценность. Тот же Герман в «Пиковой даме» входит с пистолетом в руках к старой графине и ей поет: «Прости, небесное создание, что я нарушил твой покой». Старухе, конечно, это беспокоит, и она трагически умирает. И то, что эти стихи не Пушкин написал, это дело не меняет. И гениальное произведение остается на сценической высоте¹⁰.

И точный адрес в заглавии журнальной публикации, и продемонстрированные выше обмены репликами кажутся вовсе не придуманными. Гротесковые гримасы пушкинского юбилея были чертой времени. Вот лишь один пример — стихотворение, напечатанное в многотиражке:

Сталинский канал

...Как жаль, что Пушкин
Из века прошлого, из тяжкого былого
Со всем богатством звуков, грез и мыслей
Еще в страну социализма не пришел,
Чтобы родиться вновь

¹⁰ Крокодил. 1937. № 5. С. 8–9.

На той же, может быть, Немецкой
В семействе сталевара и парашютистки.
А может быть! Среди ребят,
Зарегистрированных переписью нашей,
Он в школе слушает о Сталинском канале
И, кудри сжав, нетерпеливо смотрит
Перед собой еще на сотню лет.
Тетрадка перед ним, он пишет о канале...¹¹

Вот в таком контексте следует вновь перечитать и «шестую повесть Белкина» Зощенко. В исследовательской литературе повесть «Талисман» рассматривается исключительно как стилистический эксперимент писателя, как желание его отстраниться от утвердившейся в его творчестве юмористической манеры и художественными средствами понять секрет простоты и изящества пушкинского стиля. Правда, результаты этого соревнования оцениваются разными авторами двойко: одни доказывают мастерство Зощенко как стилиста¹², другие акцентируют внимание на вольное или невольное вторжение в повесть чисто зощенковских стилистических приемов¹³.

Не повторяя отдельных наблюдений, подтверждающих тот или иной тезис, отметим, что «Талисман» представляет собою разительный рецидив «серапионовских» заветов. И в плане интереса к самой технике литературного про-

---

¹¹ Красный треугольник (Ленинград). 1937. 6 июля. Стихотворение было сопровождено редакционным примечанием: «Автор этих стихов т. Веселов бывший каналармеец. Он работал на строительстве грандиознейшего сооружения пятилетки. Досрочно освобожден за ударную работу. Сейчас т. Веселов работает на заводе в гараже».

¹² *Молдавский Дм.* Михаил Зощенко. Очерк творчества. Л., 1977. С. 195–197; *Корованенко Т. А.* Из наблюдений текстолога. «Воскрешение Белкина» // Русская речь. 1989. № 4. С. 21–29.

¹³ *Сац И.* Герой Михаила Зощенко // Литературный критик. 1938. № 3. С. 161–163; *Сарнов Б.* Ганч или кич? // Вопросы литературы. 1987. № 5. С. 210–213.

изведения (как сделана «повесть Белкина»?), и в смысле антитенденциозности литературного творчества, что особенно заметно в сравнении с массовой юбилейной литературой о Пушкине, о которой шла выше речь. Сохраняя характерные черты пушкинского стиля (стремительность и динамичность рассказа, основанного на приеме монтажа, простоту синтаксических форм, снятие заданной в начале атмосферы таинственности), Зощенко, конечно, этот стиль утрирует — думается, вполне сознательно.

Приведем характерную деталь. «Пуля ударила ему в подбородок и засела в мозгу; *смерть была мгновенна и прекрасна*» — Такая вполне современная литературная «изысканность» невозможна у Пушкина» — считает И. Сац. Показательна невольная ошибка критика — у Зощенко говорится: «смерть была мгновенна и ужасна». Он «поправляет» известное пушкинское замечание о гибели Грибоедова: «она была мгновенна и прекрасна» (VIII, 461). Здесь налицо именно зощенковская утрировка, как и во всей повести, но ни в коем случае не «антитеза» Пушкину, как расценивает повесть «Талисман» Б. Сарнов:

Зощенко явно скромничал (или нарочито темнил), говоря, что чувства, свойственные человеку иной эпохи, «вероятно, дали некоторый иной оттенок его повествованию». Тут дело не в оттенках. «Шестая повесть Белкина», по сути дела, представляет некую художественную антитезу Пушкину, мироощущению и мировосприятию человека пушкинской эпохи¹⁴.

С этим никак нельзя согласиться.

Обратим внимание на заглавие и эпиграф. Первое, как это верно отмечено Т. А. Корованенко, вызывает в памяти пушкинскую «тему-символ», не раз возникающую в его лирике. Эпиграф же — действительная цитата из «оды нравоучительной» М. М. Хераскова «Знатная порода». Имеет смысл напомнить все четверостишие, которое именно в

¹⁴ Сарнов Б. Ганч или кич? С. 212.

опущенной писателем концовке своей, как нам кажется, определяет подспудную цель стилизации «под Пушкина»:

Не титла славу нам сплетают,
Не предков наших имена, —
Одни достоинства венчают,
И честь венчает нас одна¹⁵.

Вся же «нравоучительная ода» явственно перекликается с начальными строками первой части поэмы «Медный всадник», некогда пародированными сатириком в ответах на пушкинскую анкету 1924 года.

Ясно же, что основной темой повести, воспроизводящей мироощущение и мировосприятие человека пушкинской эпохи, является *честь* — понятие, ныне забытое, ушедшее вместе с дворянским укладом жизни. В набросках статьи о дворянстве Пушкин специально подчеркнул: «Чему учиться дворянство? Независимости, храбрости, благородству (честь вообще)» (XII, 139).

Именно честь и становится хранительным талисманом поручика Б. Недаром в предисловии к «шестой повести Белкина» Зощенко замечает:

В заключение хочется мне сказать, что в основу моей повести положен подлинный факт, благодаря чему взыскательный читатель может прочитать мою работу и без проекции на произведения Пушкина¹⁶.

«Подлинный факт» (был он или не был — неважно!), как вполне очевидно, заключается в нежелании человека чести носить награду, полученную от верховной власти (в повести — из рук великого князя Константина). Зощенко, участнику Первой мировой войны, мог быть известен подобный факт. Проецируя же эту ситуацию на сталинскую эпоху середины 1930-х годов (одной из примет которой была орденomanия), можно понять, в чем заключалась под-

¹⁵ Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 219.

¹⁶ Зощенко М. М. Избранное. Т. 1. Минск, 1983. С. 121.

линая «серапионовская антитенденциозность» повести Зощенко, неписанность его творчества вообще в официальную литературу, за что на него и обрушилось в 1946 году наказание. Дело, наверное, заключалось в том, что основным «антигероем» сатиры Зощенко при всех бесчисленных модификациях этого типа был «средний человек» (иными словами, посредственность), не просто некультурный и пыжившийся, но начисто лишенный талисмана чести.